

пов, освященного собора, боярина и воеводы И. Н. Большого Одоевского, дворян, дьяков, детей боярских, приказных людей, гостей, пятиконецких старост, торговых посадских и всяких чинов жилецких людей. Челобитная подписана четырьмя дьяками, в том числе Иваном Тимофеевым.⁵⁷

В связи с общей политической обстановкой, сложившейся в Новгороде к 1615 г., надо рассматривать и новое судебное дело, возбужденное против Тимофеева в марте этого года и разбиравшееся Э. К. Горном и И. Н. Большим Одоевским. Его поднял дьяк Пятой Григорьев. Он указывал в своей челобитной, что в 1613—1614 гг. по приказу Я. П. Делагарди И. Тимофеев должен был запечатать в Дворцовом приказе «коробьи, и ящики, и ларцы, и сундуки с книгами и со всякими делы и з денгами» и «подьячих во всякой государеве казне счести». Тимофеев велел быть при себе «у щету» подьячему Н. Коптеву «и коробью его со всеми делами и з денгами взял с ним к себе ж». Когда Коптев закончил свою работу, Тимофеев отпустил его в деревню, где его захватили «псковские шиши и свели во Псков». После этого Пятой Григорьев велел проверить приходорасходные книги, которые велись Н. Коптевым, и обнаружил недостаток денег. Указывая в своей челобитной, что Н. Коптев «сидел» у И. Тимофеева, который его и «считал» и «в деревню ево отпустил», Пятой Григорьев просил привлечь Тимофеева к ответственности за растрату.

Вслед за тем Пятой Григорьев подал Э. К. Горну и И. Н. Большому Одоевскому новое «письмо», в котором назвал И. Тимофеева «ведомым вором», в свое время укравшим вместе с протопопом Амосом образа «из опальной... рухляди» М. И. Татищева, а также виновным в разном другом «воровстве» («да и многое ево Иванова воровство в государеве соболиной казне, и в опальных рухлядах, и в государевых в казенных денгах с подьячим со Жданом Медведевым вместе корыстовались и государевы денги меж себя делили, а денег у них меж ими изгибло государевых тысечи с полтрети, то он на себя не объявил, и те денги закрыл»).

Интересно, что, выдвинув ряд обвинений против Тимофеева, Пятой Григорьев вспомнил и про дело 1611 г., про которое он слышал, будучи «у гостя у Степана у Иголкина на подворье, как он Степан поехал в Свено».

По поводу этого дела И. Н. Одоевский, участвовавший в допросе И. Тимофеева в 1615 г., счел нужным довести до сведения Э. К. Горна, что в 1611 г. он начал разыскивать образа своего погибшего в Новгороде шурина М. И. Татищева и, когда эти образа были обнаружены у протопопы Амоса, «сослал» их «к шурьям своим к Москве». Что касается приговора по делу дьяка Тимофеева и протопопы Амоса, то «как де образы у протопопы сыскали, и он де князь Иван Никитич тот приговор и подрал, потому что он князь Иван Никитич был о тех образех челобитчик».

Решение по делу Тимофеева и Амоса 1611 г. было извлечено из «печатной коробьи», запечатанной печатью И. Н. Одоевского, прочитано и водворено обратно.

Про другие свои обвинения («про соболиную казну, и про опальные рухляди, и про денги про пол-3000 рублей») Пятой Григорьев сказал: «написал де он про те дела на Ивана Тимофеева, слыша от людей в розговорах, а он человек приезжей, те дела делались до него». Характерно, что некоторыми своими обвинениями Пятой Григорьев хотел скомпрометировать деятельность Тимофеева в бытность в Новгороде М. В. Скопина-Шуйского. Так, по поводу произведенной якобы растраты денег из государственной казны И. Тимофеевым последний показал: «был де в Новгороде в дияцех Ефим Телепнев да он Иван, и толко де будет Пятой Григорьев

⁵⁷ ДАИ, т II СПб, 1846, стр 43—47, № 21